

Рецензируемая книга – о структуре именной группы и кванторных словах. Кванторным словам посвящена огромная литература. Особенность данной книги составляет ее метод – это типологическое исследование, которое опирается на данные нескольких десятков языков.

В центре внимания автора взаимоотношение между универсальными кванторными словами типа *всякий каждый, любой, все* и неопределенными местоимениями типа *кто-то, кто-нибудь*. Как при огромном разнообразии средств выражения этих значений в разных языках, увидеть за ними единую систему? Этими словами занимались не только в лингвистике, но и в логике. Много проблем, однако, осталось. В чем, например, различие между *Возьми какую-нибудь книгу* и *Возьми любую книгу*? Почему нормально *Он решит любую задачу*, но сомнительно *всякую*? Почему англ. *any* можно перевести словом *любой* в контексте *Take any apple*, но не в *He doesn't know any poem*?

Основная проблема в грамматической типологии (а кванторные слова, как и детерминативы, можно считать разделом грамматики) – как связаны друг с другом грамматические значения и выражающие их языковые формы. Для естественного языка нормально, чтобы одна и та же форма выражала разные значения: многозначность в природе языка. Можно, однако, исходить из того, что значения каждой данной формы так или иначе близки друг к другу. На этой идее основано вошедшее недавно в типологию понятие семантической карты, на которой семантическое пространство той или иной категории по-разному покрывается грамматическими формами разных языков.

На сегодняшний день известно уже немало такого рода карт. Примерами могут служить карта значений модальности 'возможно' из [Auwera, Plungian 1998] (точками на карте являются модальные значения, по-разному покрываемые наклонениями и модальными словами разных языков), карта медиальных значений из [Kemmer 1993] и, конечно, карта для неопределенных местоимений из [Haspelmath 1997], которая теперь несомненно является отправным пунктом для всех, кто занимается словами этого рода.

Значения на карте могут быть заданы через контексты, в которых эти значения проявляются. Например, в карте С. Кеммер точки задаются лексическими основами глаголов, в контексте которых возникает, соответствен-

но, значение движения: декаузативное значение, взаимное, пассивное и т.д. Результатом данного типологического исследования тоже является семантическая карта.

С.Г. Татевосов делит кванторные слова на два класса: универсальные и неопределенные, и вначале рассматривает каждый из этих классов в отдельности, для того чтобы в последних разделах книги сделать и убедительно обосновать вывод о том, что кванторные слова образуют единую систему.

Изучение кванторных слов в логике и в лингвистике началось с кванторных прилагательных и субстантивов. К настоящему моменту собран большой материал по квантификации: различается D-квантификация, в составе именной группы (от *determiner* 'детерминатив'), и A-квантификация в составе глагольной (от *adverbial* 'адвербиал'), см [Patee 1995]. Книга С.Г. Татевосова посвящена именной группе и, следовательно, ограничена D-квантификацией.

В главах 3–5 рассматривается универсальная квантификация (как в *Every cloud has a silver lining*), родовая (как в *Человек смертен*) и квантификация единичных существительных (как в *Весь арбуз сгнил*). Автор останавливается на неоднозначности слов типа *все*, которые в одних контекстах кодируют универсальную референцию (*Все люди смертны*), а в других – референцию к конкретным множествам (*Я позвал пятерых. Все пришли*). Глава 4 посвящена дистрибутивности и способам выражения отношения дистрибутивности, которое тоже может развертываться на универсальных и конкретно-референтных множествах.

Гораздо более проблемными являются неопределенные местоимения (главы 5 и 6). Взять хотя бы загадочное англ. *any*. Оно не просто неоднозначно, а совмещает значения, которые каждый человек хоть сколько-нибудь знакомый с логикой, сочтет впрямую противоположными по значению: словари дают для *any* с одной стороны, значение 'one, no matter which', соответствующее квантору существования, а с другой – 'every', которое логика трактует как квантор общности. Нельзя сказать, чтобы лингвистическая семантика не сталкивалась с энантиосемией такого рода в других лексических сферах. Но в любом случае совмещение противоположных значений в одном слове требует объяснения.

Математическая логика предлагает решение некоторых из загадок кванторных слов. Скажем, *никакой x не P* средствами логики

предикатов первого порядка можно представить как неверно, что хоть какой-нибудь x P и как 'все x не P ', но эти два выражения, в одном из которых x связан квантором общности, а в другом – квантором существования, признаются логически эквивалентными – дело в том, что кванторы различаются сферой действия

$$\forall x \neg P(x) \equiv \exists x P(x)$$

Аналогично в контексте импликации – Как бы ни был x , если он обладает свойством P , то верно Q эквивалентно Если какой-нибудь x обладает свойством P , то верно Q (в предположении, что Q не содержит x)

$$\forall x (P(x) \rightarrow Q) \equiv \exists x P(x) \rightarrow Q$$

Однако этого недостаточно логическая эквивалентность – это еще не синонимия, и механизмы семантических переходов (в силу которых у слова в разных контекстах возникают разные значения, производные значения разных слов сближаются) нуждаются в изучении Г Рейхенбах предложил трактовать англ *any* во всех контекстах, в частности, в (1) и (2), как свободную переменную

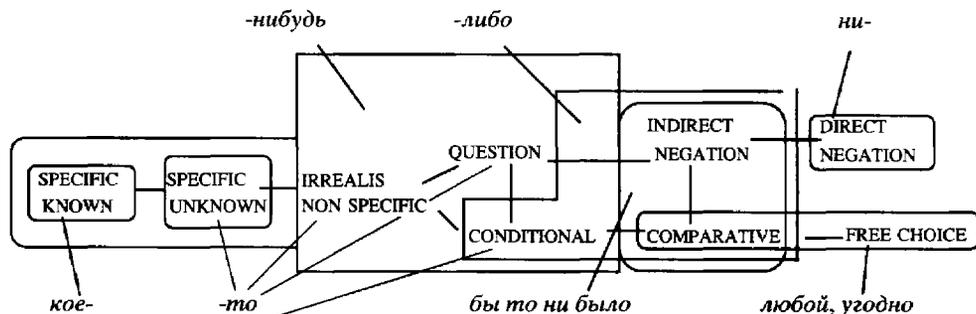
- (1) Do you see *any* advantages? 'видите ли вы *какие-нибудь* преимущества',
- (2) Take *any* apple возьми *любое* яблоко'

М Хаспельмат [Haspelmith 1997 91] называет эту трактовку "desired unitary treatment" Носителю русского языка кажется очевидным, что у *any* два разных значения – 'какой-нибудь' в (1) и 'любый' в (2), хотя в принципе на этот счет могут быть разные точки зрения В любом случае, заветной целью для лингвиста является, скорее, не единое значение, а система значений, которая объясняет, как одно значение связано с другим (О Даль [Dahl 1999] справедливо замечает, впрочем что *какой-нибудь* и *любый* могли бы значить одно и то же и в русском языке, ср др -русск *къто ни буди* ≈ 'любой')

При анализе неопределенных местоимений СГ Татевосов опирается на книгу [Haspelmith 1997], которая, как уже было сказано оказалась большим влиянием на исследование в этой области. Хаспельмат различает девять "функций" неопределенного местоимения

- 1 Референтное слабоопределенное (SPECIFIC KNOWN)
Кое-кто злорадствует, узнав о провале нашего проекта
- 2 Референтное местоимение неизвестности (SPECIFIC UNKNOWN).
Открой, кто-то стучит
- 3 Нереферентное в контексте ирреальности (IRREALIS NON-SPECIFIC), см примеры (3а) – (3г) ниже
- 4 Нереферентное в контексте вопроса (QUESTION)
Ему кто-нибудь помогал?
- 5 Нереферентное в контексте условия (CONDITION)
Если кто-нибудь мне поможет, я буду рад
- 6 Нереферентное в контексте сравнения (COMPARISON)
Он знает это лучше, чем кто-либо.
- 7 Нереферентное в контексте неопределенного отрицания (INDIRECT NEGATION)
Не думаю, чтобы кто-либо его знал
- 8 Нереферентное в контексте определенного отрицания (DIRECT NEGATION).
Никто не приходил
- 9 Местоимение свободного выбора (FREE CHOICE)
Можешь взять *любую* книгу с этой полки

М Хаспельмат строит из этих функций типологическую карту, так что неопределенные местоимения разных языков покрывают каждое некий связный фрагмент этой карты Для русского языка покрытие имеет следующий вид

Работа С.Г. Татевосова предлагает ряд правок к хаспельматовской карте неопределенных местоимений. Так, 'функция' 3 IRREALIS NON-SPECIFIC соответствует, на самом деле, целому ряду различных контекстов:

- 3а Он принесет *что-нибудь* послушать [будущее время].
- 3б. Дай мне *какую-нибудь* книжку [императив],
- 3в Он хочет жениться на *какой-нибудь* иностранке [модальные глаголы],
- 3г Наверно *кто-нибудь* здесь уже побывал [гипотетическая модальность];
- 3д Каждый день приезжает *какой-нибудь* курьер из министерства [узуальность, дистрибутивность]

В принципе, разные контексты могут требовать в разных языках разных неопределенных местоимений, так что обобщенная функция, предлагаемая картой, не позволит провести необходимой дифференциации открытий И в самом деле, в немецком языке в контекстах (3а)–(3в) будет употреблено *irgendet*, а в (3г) (3д) – скорее *jemand*

"Функция 8 INDIRECT NEGATION тоже объединяет разные контексты в частности, отрицание в подчиняющем предложении и внутрилексемное отрицание. На с. 138 С.Г. Татевосов приводит в качестве примера немецкое *jeder*, которое приемлемо в контексте имплицитного отрицания, но невозможно в контексте отрицания в главном предложении (т.е. в контекстах типа *Я не думаю...*) В русском языке в контексте внутрилексемного отрицания иногда нужно употребить местоимение на *-либо*, иногда – на *бы то ни было* (см. об этом [Падучева 1974: 109; 1985: 218]) последнее имеет, однако, более широкую дистрибуцию

- Он отказывается *что-либо* / *что бы то ни было* объяснять,
- Мало кто имел *какое-либо* / *какое бы то ни было* представление о предмете;
- Это конец *какой бы то ни было* (**какой-либо*) свободной экономике.

Большие сомнения вызывает на мой взгляд, последняя из точек на семантической карте М. Хаспельмата – FREE CHOICE. Как мы видели в картах, построенных к настоящему времени, точка должна соответствовать какому-то значению быть может, выражаемому данным местоимением в данном контексте. Между тем функция FREE CHOICE этим свойством не обладает, что ясно видно из материалов С.Г. Татевосова. Посмотрим на на-

бор функций неопределенных местоимений с более общей точки зрения

Функции 1 и 2 соответствуют референтным именованным группам (ИГ) так называемым, которые, наряду с именами собственными и другими ИГ референтного статуса, могут входить в состав пропозиций, выражающих единичные конкретные ситуации с глаголом в прош или наст. актуальном *кто-то злорадствует, кто-то стучит* – это как *Ваня злорадствует, Ваня стучит*. Далее местоимения типа 3–8 – это показатели экзистенциальной квантификации. Они оформляют нереферентные (non-specific indefinite) ИГ и возможны в естественном языке только в сфере действия того или иного подчиняющего оператора. В сущности, все типы с 3-го по 8-й являются контекстными вариантами типа 3 – IRREALIS NON-SPECIFIC (см. [Dahl 2001]).

Между тем местоимения FREE CHOICE – это можно думать (хотя на этот счет есть разные точки зрения), показатели универсальной квантификации. Они возможны в том числе и в тех же контекстах, что IRREALIS NON-SPECIFIC. Так, в примерах (4) и (5) говорящему в обоих случаях предоставляется выбор местоимения, и разница ни в чем ином, как в типе выражаемой квантификации

- (4) Можешь взять *какую-нибудь* = $\exists x$ ВОЗМОЖНО $\exists x$ (ты возьмешь x),
- (5) Можешь взять *любую* = $\forall x$ ВОЗМОЖНО (ты возьмешь x)

Собственно семантика точки FREE CHOICE в [Haspelmath 1997] не описана. Так что неясно даже, каким образом исследователь устанавливает, какие слова разных языков выражают именно эту 'функцию'. В некоторых (но не во всех) контекстах FREE CHOICE можно трактовать как квантор общности, включающий в свою сферу действия оператор ВОЗМОЖНО, см. (5). Судя по примерам, это то значение (точнее, совокупность значений), которое в русском языке выражается словом *любой* а в английском – тем *any* которое НЕ находится в контексте подчиненного отрицания. Так что название FREE CHOICE до некоторой степени условно.

В книге С.Г. Татевосова рассмотрены разнообразные контексты употребления местоимений FREE CHOICE. Приводится материал различных языков, но поскольку нам интересна семантическая сторона явления, я ограничусь, для упрощения изложения, русскими переводами

- 1) Модальный глагол со значением возможности:
Эту задачу может решить *любой*.
- 2) Императив с иллюкутивной функцией разрешения:
– Какой стул принести? – Мне все равно, принеси *любой*.

3) Будущее время. В связи с контекстом буд. времени читателю предлагается на рассмотрение интересный факт грамматики голдоберинского языка, в котором различается обычное и проспективное будущее; последнее описывает ситуацию в будущем, для которой в момент речи присутствуют условия, способствующие ее возникновению. Так вот, фраза с глаголом в будущем обычном, смысл которой можно передать как 'Гуссейн съест любое яблоко (даже гнилое)', возможна, а предложение с будущим проспективным, означающее приблизительно 'Гуссейн собирается съесть любое яблоко', недопустимо. В англ. языке примерно то же значение передается противопоставлением допустимого *My dog will chase any cat* и невозможного **My dog is going to chase any cat*.

- 4) Гипотетические и контрфактические контексты:
Я заплатил бы *любые* деньги, чтобы это увидеть.
- 5) Контекст узуального действия и свойства:

(6) *Любой* человек в какое-то время суток спит; *Любой* мальчик любит футбол.

Подобно экзистенциальным местоимениям, FREE CHOICE невозможны в контексте единичного события в прошлом или настоящем (обозначаемой глаголом в перфекте или прогрессиве).

В контексте императива и будущего времени местоимения типа *любой* и типа *какой-нибудь* отчетливо противопоставлены:

- (7) принеси *любую* книгу ≠ *какую-нибудь*;
- (8) принесу *любую* книгу ≠ *какую-нибудь*.

Поскольку эти местоимения имеют разный смысл в одном и том же контексте, ясно, что они выражают разный тип референции. На с. 152 обсуждается различное поведение *какой-нибудь* и *любой* в контексте должествования: *любой* неуместно в контексте приказа и соответствующей ему модальности должествования:

⁹Ты должен принести *любой* стул.

Неподходящий контекст для местоимений FREE CHOICE составляют глаголы со значением 'хотеть' (в контексте *любой* глагол *хотеть*, если он возможен, означает уже не желание, а готовность, уступку):

Он хочет жениться на *какой-нибудь* иностранке;

⁹Он хочет жениться на *любой* иностранке.

Итак, *любой* – в контекстах типа (б) это очевидно – выражает универсальную квантификацию. Отсюда Татевосов делает справедливый вывод, что отдельная семантическая карта для неопределенных местоимений представляет общую структуру именной группы в естественном языке в искаженном свете: местоимения типа *любой* связывают экзистенциальную референцию с универсальной; далее, слова типа *все* связывают универсальную референцию с конкретной референцией к множеству:

- (9) *Любой* человек смертен – *Все* люди смертны – *Все* участники конференции собрались в зале.

Книга С.Г. Татевосова убедительно показывает, что универсальные кванторные слова и неопределенные местоимения составляют единое семантическое пространство. Оно представлено картами на с. 167 и далее.

В принципе, возможность построения семантической карты, где местоимения всех языков можно представить как занимающие связный участок, надо рассматривать как чудо. В карте на с. 169 точка COMPARISON, как кажется, тоже должна входить в область, покрываемую местоимением *весь/все*, поскольку сравнительная конструкция бывает не только с союзом *чем*, но и с род. падежом. Можно сказать не только (а), но и (б):

- (а) Маша умнее, чем *кто-либо* в ее классе;
- (б) Маша умнее *всех/любого* в ее классе.

Как говорит Татевосов, универсальные местоимения "врываються" в области, покрываемые неопределенными.

Отрицательные местоимения Татевосов, вслед за Хаспельматом, трактует как слова с отрицательной поляризацией – в контексте отрицания при сопредикатном глаголе *-нибудь* заменяется на *ни-* :

*Он не высказет *каких-нибудь* возражений ⇒ Он не высказет *никаких* возражений.

Эта трактовка не кажется для русского языка единственно возможной. В самом де-

ле, ведь семантически (логически) не местоимение попадает в контекст отрицательного глагола, а глагол – в контекст отрицаемого квантора существования. (В английском языке отрицательное местоимение вообще не требует отрицания при глаголе: *He will offer no objections.*) В принципе, никакой можно трактовать как универсальное местоимение типа *любой*, в сферу действия которого входит отрицательный предикат

*Он не высказет *любых* возражений ⇒
Он не высказет *никаких* возражений

Отрицательная поляризация – явление сложное и не до конца изученное. Понятно, что значит *не пошевелить пальцем* в (10). Между тем *пошевелить пальцем* в (11), которое формально проще, поскольку не содержит отрицания, семантически более сложно (см. об отрицательной поляризации в русском языке в [Апресян 1978]): возникает шкала, и шевеление пальцем на этой шкале выступает как минимальное из возможных действий:

(10) Он *пальцем не пошевелит*, чтобы тебе помочь;

(11) Не думаю, что он хоть *пальцем пошевелит*, чтобы тебе помочь

Имея семантическую карту, в которой отражены одновременно неопределенные местоимения и универсальные кванторные слова, мы можем теперь вернуться к универсальной квантификации.

Следуя Хаспельмату, Татевосов рассматривает, в гл. 4, дистрибутивность отдельно – как отдельное отношение между распределяющими и распределяемыми множествами: в результате чего *каждый* выпадает из универсальных кванторных слов, а дистрибутивность – из числа контекстов для местоимений на *-нибудь*. Между тем *каждый*, нормально тяготеющее к конечным множествам, в контексте дистрибутивности способно выражать также универсальную квантификацию заведомо бесконечных множеств (см. о *каждый* в [Падучева 1989]):

(12) *Каждый* должен нести свой крест.

Вендлер, говоря об англ. *each*, отмечает в его семантике компонент 'возможность перебрать элементы множества по одному'. В семантике русского языка *каждый* этот компонент работает как бы расширительно. Из всех бесконечных множеств *каждый* сочетается только с именами временных отрезков:

каждую осень, каждый вторник; возможно, естественный порядок, заданный на временных отрезках, делает их обозримыми, т.е. допускающими перебор по одному. Но если у такой сочетаемости слова *каждый* есть семантическое обоснование, то эта черта должна где-то повториться. Эту гипотезу интересно было бы проверить.

* * *

Типология – это активно развивающаяся область лингвистики, которая заключает в себе большие возможности, причем поиск универсалий – лишь одна из них. Несомненно, что рассмотрение каждого данного языка в типологической перспективе тоже имеет смысл и позволяет выявить в языке нечто интересное и незаметное изнутри (например, при подходе к русскому языку с типологической меркой можно выявить в нем эффект эвиденциальности: оказывается, что генитивная конструкция отрицательного предложения может трактоваться как способ выражения такого значения, которое в других языках подпадает под категорию эвиденциальности). Посмотрим же, что дает семантическая карта неопределенных местоимений для русского языка. Хотя карта в целом представляется безусловно привлекательным инструментом исследования, нельзя не признать, что про отдельные русские местоимения сейчас известно гораздо больше, чем можно узнать из этой карты. Возьмем, например, местоимения на *-нибудь*.

Нереферентное неопределенное местоимение (non-specific indefinite), типа *какой-нибудь*, употребляется исключительно в контексте снятой утвердительности [Weinreich 1966/1 970: 173; Падучева 1985: 94; 215–220] когда квантор существования \exists попадает в контекст подчиняющего оператора. Более точно, местоимения типа *какой-нибудь* выражают тот факт, что одна возможность (альтернатива) рассматривается на фоне других. Такой фон может возникать: (а) у ситуации, отнесенной к будущему; (б) у ситуациоальтернативы – в том числе, отнесенной к прошедшему или настоящему; (в) в контексте дистрибутивности. Получаем следующую картину.

(а) *будущее.*

ГРАММАТИЧЕСКОЕ БУД. ВРЕМЯ:

Он высказет *какие-нибудь* возражения: Мы встретимся *где-нибудь*.

УСТАНОВКИ НА БУДУЩЕЕ. В ЧАСТНОСТИ, ПРОСЬБЫ:

Он хочет *куда-нибудь* поехать; стремится *что-нибудь* узнать о тебе; ищет *что-нибудь*

интересное для тебя; просит *что-нибудь* почитать.

ИМПЕРАТИВ, ОСОБЕННО В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОГО АКТА РАЗРЕШЕНИЯ:

Скажи *что-нибудь!* Спойте нам *какой-нибудь* романс!

МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ:

Он *может/должен кого-нибудь* пригласить; придется *кому-нибудь* звонить; необходимо *кого-нибудь* пригласить.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ, ОПТАТИВ:

Хорошо бы он *что-нибудь* принес поесть; Я согласен *что-нибудь* для него сделать.

ЦЕЛЬ:

Чтобы *что-нибудь* сделать, нужны деньги.

(б) альтернатива.

(НЕ)УВЕРЕННОСТЬ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОСТЬ, НЕРЕАЛЬНОСТЬ:

Не думаю, что он *что-нибудь* об этом знал; сомневаюсь, что он *что-нибудь* сделал; Едва ли они *куда-нибудь* уехали; Заведомо его *кто-нибудь* пригласил; Странно, чтобы он *что-нибудь* нашел.

ВОПРОС – В ТОМ ЧИСЛЕ, РИТОРИЧЕСКИЙ; ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ:

Кто-нибудь приходил? Неужели у *кого-нибудь* есть сомнения, что это так?

ДИЗЪЮНКЦИЯ:

Он взял с собой Машу или *кого-нибудь* из ее подруг.

УСЛОВИЕ:

Если он *что-нибудь* утаил, он за это заплатится; Если бы он *что-нибудь* принес (вчера)!

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ:

Кто-нибудь мог ее обидеть.

(в) дистрибутивность.

Каждый *кого-нибудь* приведет с собой; Всякая именная группа обозначает *какой-нибудь* объект.

Вне этих трех типов контекстов остается только *какой-нибудь* в значении 'незначительный':

Не хватило *каких-нибудь* десяти минут [= 'не хватило десяти минут, и это мало'].

Сгруппированный таким образом перечень контекстов позволяет увидеть общность в множестве значений (контекстов употребления) местоимений на *-нибудь*: это всегда ситуация-альтернатива на фоне других. Между тем на карте эта общность не видна; дизъ-

юнкция и дистрибутивность отсутствуют вообще, что для русского языка кажется упущением. Насколько это влияет на общую типологическую задачу, нам трудно судить.

В заключение – несколько более формальных моментов, касающихся книги С.Г. Татевосова.

Автор существенно опирается на англоязычную терминологию. Перед ним острая проблема перевода терминов на русский язык. Иногда выбор сделан неудачно. Так, *negative polarity* – это скорее *отрицательная поляризация*, чем *отрицательная полярность* (см. использование термина *отрицательная поляризация* в [Апресян 1978, Богуславский 2001]); *free choice* – это именно *свободный*, а не *произвольный* выбор. Для термина *progressive* есть соответствие – актуально-длительное значение. Можно, пожалуй, приветствовать введение в русскую аспектологию термина "прогрессив", но сочетание "прогрессивное значение" еще долго будет производить комический эффект. Для *habitualis* есть синоним *узальное значение* (впрочем, тут неудобно то, что отсутствует "узалис"). И, конечно, не *модельно-теоретическая*, а *теоретико-модельная семантика*.

Неприятный сюрприз, который ожидает читателя этой книги, – огромное количество опечаток. Конечно, для русского текста опечатки – дело поправимое. Но как быть с несколькими десятками малоизвестных языков? Отмечу разночтение в венгерском слове: *каждый* выглядит по-венгерски то как *mindegyik*, то как *mindengyik*. Лучше было бы придерживаться одного варианта, более принятого. Словосочетание *два мужчины* на с. 96 и 97 можно пока что трактовать как опечатку. Хотя, кто знает, может быть, это русский язык будущего?*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1978 – Ю.Д. *Апресян* Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka. Zbiór studiów Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk*, 1978.
- Богуславский 2001 – И.М. *Богуславский* Модальность, сравнительность и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1.
- Падучева 1974 – Е.В. *Падучева* О семантике синтаксиса. М., 1974.

* Автор благодарен Барбаре Парти и В.Б. Борщеву за советы и помощь.

- Падучева 1985 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью М., 1985.
- Падучева 1989 – *Е.В. Падучева* Идея всеобщности в логике и в естественном языке // ВЯ. 1989 № 2
- Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera V.A. Plungian*. Modality's semantic map // Fr Plank (ed.) Linguistic typology. Berlin, New York, 1998
- Dahl 1999 – *O. Dahl* [Review on]: M Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford, 1997 // Linguistics and philosophy V. 22 1999.
- Haspelmath 1997 – *M. Haspelmath* Indefinite pronouns Oxford, 1977.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer* The middle voice Amsterdam, 1993.
- Partee 1995 – *B.H. Partee*. Quantificational structures and compositionality // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer and B.H. Partee (eds.) Quantification in natural language, Dordrecht, 1995
- Weinreich 1966/1970 – *U. Weinreich* Explorations in semantic theory // T.A. Sebeok (ed.) Current trends in linguistics V. 3 London The Hague; P., 1966. (Русск. пер.: У. Вейнрейх Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике Вып 10 Современная лингвистическая семантика / Ред В.А. Звегинцев. М., 1981.

Е.В. Падучева